

Соціалізмъ—его исторія и критическая оцѣнка съ христіанской точки зрѣнія.

(Окончаніе ¹⁾).

Критическая оцѣнка соціализма съ христіанской точки зрѣнія.

III.

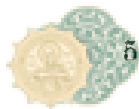
Отъ эконоимическихъ реформъ соціализмъ ставитъ въ зависимость уничтоженіе не только семьи, но и всякихъ другихъ существующихъ нынѣ общественныхъ учрежденій. И прежде всего вмѣстѣ съ экономическою реформою онъ требуетъ реформы *политической*. По взгляду, напр., Н. Толстого потому уже нужно уничтожить существующій государственный строй, что достиженіе имущественнаго коммунизма невозможно безъ согласія на то государства ²⁾. Если всѣ люди, разсуждаютъ соціалисты, должны быть равны по отношенію къ имуществу, то почему же они не должны быть равны въ правахъ политическихъ? „Тираніи государства, по словамъ Пьера-Леру, надобно противопоставить самоуправленіе общинъ“. Принципъ же „самоуправленія общинъ“ служить основаніемъ соціалистической республики, всѣ члены которой обладаютъ верховною властію по отношенію къ своимъ правителямъ. По мнѣнію Кабе, Марло-Винкельблеха и др. соціалистовъ, народъ имѣетъ право не только назначать себѣ правителей въ качествѣ должностныхъ лицъ, или народныхъ представителей, но и назначать ихъ по своему

¹⁾ См. Труды Киевской духовной Академіи, іюнь, 1905 г.

²⁾ Соч. Толстого „Гдѣ выходъ“?, изд. А. Чертковымъ въ 1900 г., стр. 9—7; 13—14.

усмотрѣнію и ставить на ихъ мѣсто другихъ. Но этому то соціалистическому ученію о полновластіи или верховенствѣ народа, обуславливающему будто бы собою принципъ политическаго равенства всѣхъ людей, совершенно противоположно ученіе Божественнаго Откровенія о государственной власти.

Еще въ книгѣ Бытія говорится, что когда Господь Богъ, послѣ потопа, заключилъ свой завѣтъ съ патриархомъ Ноемъ, то Онъ въ то же время далъ заповѣдь: „кто прольетъ кровь человѣческую, того кровь прольется рукою человека; ибо человекъ созданъ по образу Божию“ (Быт. 9, 6). Въ этомъ древнѣйшемъ правовомъ опредѣленіи нельзя не видѣть божественнаго установленія верховной человѣческой власти. Правда, въ немъ вообще только высказывается, что человекъ долженъ наказывать убійцу; но такъ какъ здѣсь не говорится о частной мести родственниковъ убитаго, то, очевидно, имъ предполагается начальство или правительство, какъ тотъ личный органъ власти, при посредствѣ котораго должно осуществляться правосудіе Божіе. Въ ветхомъ же завѣтѣ Господь возвыщалъ: „Мною цари царствуютъ, и повелители узаконяють правду. Мною начальствуютъ начальники и вельможи и всѣ судьи земли“ (Притч. 8, 15—16). „Отъ Господа дана „царямъ“ держава и сила отъ Вышняго“, говоритъ Премудрый (Прем. 6, 3). И въ новомъ завѣтѣ, когда Іисусъ Христосъ говоритъ Пилату: „ты не имѣлъ бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебѣ свыше“, т. е. отъ Бога, или съ неба (Іоан. 19, 11. ср. 3, 3, 31; 3, 27), то, очевидно, разумѣется здѣсь государственная власть, которою сильны были римскіе императоры и представителемъ которой въ Іудеѣ былъ въ то время Пилатъ. Тому же учитъ ап. Павелъ, говоря: „нѣтъ власти не отъ Бога, существующія же власти отъ Бога установлены. Посему противящійся власти противится Божію установленію“ (Рим. 13, 1—2). Св. отцы Церкви, слѣдуя этимъ словамъ апостола, считаютъ государственную

власть „Божіимъ установленіемъ“, впрочемъ, не въ томъ смыслѣ, что самъ Богъ непосредственно основалъ государственный строй, а въ томъ, что человекъ получилъ отъ Бога такую природу, которая влечетъ его къ общественно-государственной жизни. Государство отъ Бога, какъ отъ Бога человѣческій бракъ, рой пчелъ, общество муравьевъ, стада нѣкоторыхъ животныхъ. Государство есть „дѣло Божіей мудрости“, Божія промышленности о людяхъ, находящихъ въ государственномъ строѣ условія, необходимыя для ихъ всесторонняго усовершенствованія ¹⁾. Игакъ, по христіанскому ученію, государственная власть происходитъ или проистекаетъ не снизу—отъ воли народа, а сверху, отъ Бога. Да и въ социалистическихъ республикахъ, въ которыхъ народъ представляется избирающимъ себя правителей, една ли можно считать государственную власть происходящею отъ народа. Изъ того обстоятельства, что органы власти избираются народомъ, еще не слѣдуетъ того, что послѣдній есть самъ источникъ власти и глава правительства. Съ того момента, какъ состоялось избраніе, народъ сталъ ниже своихъ правителей, и не можетъ по произволу или прихоти смѣнять ихъ, или относиться къ нимъ, какъ къ низшимъ.

Если государственная власть установлена самимъ Богомъ, а не есть учрежденіе человѣческое, то, очевидно, далеко не всѣ люди могутъ быть облечены этою властію, какъ мечтаютъ о томъ социалисты, но только тѣ, кто получаетъ ее отъ Бога и на кого, поэтому, нужно смотрѣть, какъ на „Божіихъ слугъ“ (Рим. 13, 4—5) и блюстителей небеснаго правосудія. Таковы, прежде всего, законный Государь, какъ Помазанникъ Божій (Пс. 104, 15), на которомъ почиваютъ дары Св. Духа, потребныя для достойнаго прохожденія имъ своего великаго служенія (1 Цар. 10, 11; 16, 13); таковы затѣмъ и всякаго рода правители, какъ „отъ царя посылае-

---

¹⁾ Бесѣды Іоанна Златоуста на 13 гл. посл. къ Римлянамъ.

мые“ (1 Петр. 2, 13—14), которые являются его представителями и должны исполнять его волю. Во всякомъ человѣческомъ обществѣ количество талантливыхъ, образованныхъ, добрыхъ и честныхъ людей всегда представляетъ самое ничтожное меньшинство по сравненію съ остальной народной массой. Поэтому, задача всякаго благоустроеннаго государства состоитъ въ томъ, чтобы предоставить этому благородному меньшинству столько силы и вліянія, чтобы оно управляло ходомъ событій, а не грубая масса, которая часто не понимаетъ своихъ истинныхъ выгодъ и легко поступаетъ вопреки имъ. Всякое уклоненіе отъ этой задачи было бы со стороны государства прямымъ нарушеніемъ апостольской заповѣди, которая повелѣваетъ „отдавать всякому должное: кому подать, подать; кому оброкъ, оброкъ; кому страхъ, страхъ; кому честь, честь“, и „не оставаться должными никому ничѣмъ, кромѣ взаимной любви“ (Рим. 13, 7—8). Съ нарушеніемъ этой заповѣди сдѣлались бы неизбежными самыя печальныя послѣдствія для блага человѣчества. Лучшая часть человѣческаго рода, которой по праву принадлежитъ первенство въ обществѣ, унижалась бы на счетъ другой, которая присвоила бы не подобающую ей честь и власть. Между тѣмъ, социалисты ничего не ожидаютъ отъ подобнаго порядка вещей, кромѣ самыхъ благопріятныхъ послѣдствій для благосостоянія человѣческихъ обществъ. Но едва ли можно хуже поступить съ человѣчествомъ, какъ отдать его во власть невѣжественной толпы. Это было бы настоящимъ поворотомъ къ первобытному состоянію дикарей и къ господству кудачнаго права. Отсюда видно, какую услугу оказалъ бы социализмъ человѣческому роду, если бы ему удалось осуществить свои политическія мечты.

Подобныя мечтательныя и вредныя теоріи общественной жизни появились уже въ самыя первыя времена христіанства, и это побуждало Апостоловъ съ особенною настойчивостію говорить о долгѣ повиновенія законной власти въ

міръ человѣческомъ „не только изъ страха наказанія, но и по совѣсти“ (Рим. 13, 5). Стараясь предохранить вѣрующихъ отъ лжеучителей, отрицающихъ права законной человѣческой власти, они безпощадно разоблачали всю нечистоту ихъ побужденій. Это—„мечтатели, которые оскверняютъ плоть, отвергають начальства и злословятъ высокія эти“, писали о нихъ Апостолы. „Это ропотники, ничѣмъ одовольные, поступающіе по своимъ похотямъ (нечести и беззаконно); уста ихъ произносятъ надутыя слова; оскверняютъ лиценріятіе для корысти (Іуд. 1, 8, 16. Ср. 2 Петр. 2, 10—19). Какъ они похожи на современныхъ социалистовъ—политикановъ!

Самою популярною въ политическомъ отношеніи социалистическою теоріей въ настоящее время считается марксизмъ, который утверждаетъ, что государственная власть и своимъ происхожденіемъ, и видоизмѣненіями и самимъ уничтоженіемъ исключительно обязана экономическому фактору.—Какъ система чисто экономическихъ силъ государство, по нему, есть результатъ побѣды господствующаго класса общества надъ остальными. Несостоятельность этого взгляда не подлежитъ никакому сомнѣнію. Государство есть выраженіе отъ природы присущей человѣку идеи власти. Оно есть порожденіе общечеловѣческаго практическаго разума, одинаково всеми признаваемое за силу, способную охранять общества отъ ихъ внутреннихъ и внешнихъ враговъ. Но если бы люди были всегда нравственно-добрыми, безгрѣшными, то ихъ союзы не имѣли бы никакихъ ни внутреннихъ, ни внешнихъ враговъ, а потому они могли бы обойтись безъ принудительной государственной власти. Правда, они имѣли бы извѣстный общественный строй, но онъ поддерживался бы ими свободно. Значить, государственная власть, идея которой прирождена человѣку, возникла собственно на почвѣ нравственной грубости людей, не способныхъ устроить совместную жизнь на началахъ свободы. Христіанство точно также учитъ о происхожденіи государства. Св. отцы и учи-

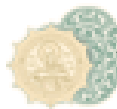
тели Церкви, на основаніи апостольскаго ученія, глубочайшею причиною возникновенія государственнаго строя считаютъ именно грѣховность людей, которая дѣлаетъ невозможною общественную жизнь безъ властной силы государственнаго закона. „Поелику,—пишетъ св. Иринеѣ Ліонскій,—человѣкъ, отступивъ отъ Бога, дошелъ до такого неистовства, что почиталъ своего единокровнаго за врага и безстрашно предался всякаго рода буйству, человекоубійству и жадности, то Богъ наложилъ на него человѣческій страхъ, такъ какъ люди не знали страха Божія, чтобы, подчиненные человѣческой власти и связанные закономъ, достигали до нѣкоторой степени справедливости и взаимно сдерживали себя изъ страха носящагося въ виду всѣхъ меча, какъ говоритъ апостолъ: „ибо не напрасно носить мечъ: онъ Божій слуга, отмститель въ наказаніе дѣлающему злое“. „Итакъ, продолжаетъ св. отецъ, для пользы народовъ установлено Богомъ земное правительство..., чтобы, боясь человѣческой власти, люди не поѣдали другъ друга подобно рыбамъ, но посредствомъ законодательства подавляли разнообразную неправду народовъ. И потому, берущіе съ насъ подати (правители) суть „Божіи слуги, для этого самаго носящіе свою службу“¹⁾. Подобныя же мысли о происхожденіи государственной власти высказывали Григорій Богословъ²⁾, Іоаннъ Златоустъ³⁾ и др.

Сообразно съ такимъ взглядомъ на возникновеніе государственнаго строя, вселенскіе учителя Церкви важнѣйшее назначеніе послѣдняго видѣли не въ томъ, чтобы предоставить одному классу господство надъ другими, какъ думаютъ марксисты, а въ томъ, чтобы ограничивать проявленія грѣ-

¹⁾ Соч. св. Иринея. Пер. свящ. П. Преображенскаго. М. 1871 г. „Противъ ересей“, кн. V, гл. 24, стр. 645—646.

²⁾ Творенія Григорія Богослова. М. 1868 г., т. II. Слово XIV, стр. 29.

³⁾ Бесѣды І. Златоуста на 13 гл. Посланія къ Римлянамъ.

ховности людей и обезпечить „тихое и мирное житіе“ ¹⁾. Значить, государство, стремясь устроить земное благополучіе людей, преслѣдуетъ въ то же время и чисто этическія цѣли. Государственная власть, по словамъ Іоанна Златоуста, установлена для того, чтобы, борясь со зломъ и поощряя добро, содѣйствовать исполненію людьми воли Божіей. Поэтому-то земные владыки называются Божіими служителями“ ²⁾. Поэтому-то они призываются служить добру и справедливости ³⁾. „А если они будутъ дѣйствовать къ ниспроверженію справедливости, говоритъ св. Иринеи, то за это и погибнуть, потому что праведный судъ Божій равно простирается на всѣхъ и никого не минуетъ“ ⁴⁾.

Итакъ, великіе представители христіанской церкви смотрѣли на государство, какъ на явленіе естественное, необходимое для грѣшныхъ людей, и какъ на учрежденіе во всѣхъ отношеніяхъ благотѣльное для нихъ. Поэтому, нѣтъ надобности разяснять, какъ ихъ мысли о причинѣ возникновенія государственнаго строя далеки отъ взгляда на тотъ же предметъ марксистовъ. Но говоря это, мы имѣемъ въ виду не самыя формы государственнаго управленія, которыя, само собою разумѣется, могутъ возникать и измѣняться по различнымъ ближайшимъ причинамъ ⁵⁾, но собственно идею государства (государство *in principis*). Да и самая смѣна формъ государственнаго строя обусловливается гораздо болѣе сложными и общими причинами, чѣмъ только экономическимъ факторомъ. Исторія прямо противорѣчитъ тенденціи марк-

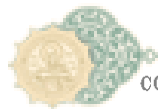
¹⁾ Соч. христіанскихъ апологетовъ. Пер. Преображенскаго. М. 1867 г. Теофила къ Автолику, стр. 243.

²⁾ Бесѣды Златоуста на 13 г. Посланія къ Римлянамъ.

³⁾ Рѣчь Мелитона Философа. Сочиненія апологетовъ, стр. 296.

⁴⁾ „Противъ ересей“, стр. 645.

⁵⁾ По словамъ, напр., Минucia Феликса, государственное устройство Рима возникло благодаря преступному насилию основателей его (Соч. христ. апологетовъ, стр. 345).

сизма ставить въ исключительную зависимость отъ экономическихъ причинъ измѣненіе формъ государственнаго управленія. Мы видимъ, напр., въ современныхъ государствахъ неизмѣнными однѣ и тѣ же формы управленія на протяжении цѣлыхъ столѣтій, въ теченіе которыхъ экономическія отношенія успѣли, конечно, много разъ и существенно измѣниться; а съ другой стороны, съ конца XVIII и до половины XIX вѣка видимъ цѣлый рядъ крупныхъ политическихъ переворотовъ, вовсе не имѣвшихъ подъ собою столь же рѣзкихъ экономическихъ перемѣнъ ¹⁾).

Наконецъ, и мечты марксистовъ о полномъ уничтоженіи государства въ будущемъ строѣ человѣческихъ обществъ оказываются совершенно тщетными. Эти мечты основываются на ожидаемомъ ими прекращеніи классовой борьбы. Но возможно ли серьезно думать о томъ, что дѣйствительно наступитъ время, „когда, по словамъ Энгельса, не будетъ общественныхъ классовъ, когда некого будетъ подавлять и сдерживать“, такъ, что „вмѣшательство государственной власти станетъ излишнимъ“? Допустимъ даже, что тогда не станетъ общественныхъ классовъ, но вѣдь и въ будущемъ безклассномъ обществѣ всѣ граждане обязаны же одинаково трудиться на общую пользу, чего не оспариваетъ и марксизмъ; а если *обязаны*, то, значить, будетъ и власть, хотя бы только принудительная ²⁾).

Но самый сильный опустошительный походъ противъ основныхъ устоевъ существующаго строя государственной жизни, по крайней мѣрѣ, у насъ въ Россіи предпринялъ Л. Толстой, вѣрный крайне соціально-анархическому уче-

¹⁾ А. Полозовъ. „Экономическій матеріализмъ и религія“. Вѣра и Церковь“, 1903 г., кн. 5, стр. 741.

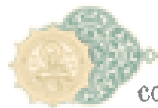
²⁾ А. Тихомировъ. „Демократія матеріальная и соціальная“. М. 1896 г., стр. 64 и дал.

пію¹⁾. Великое противорѣчіе жизни Толстой видитъ въ томъ, что люди подчиняются государственнымъ законамъ. Эти законы, по его мнѣнію, суть „произведенія корысти, обмана, борьбы партій“, и потому повиноваться имъ было бы „неразумно“²⁾. Но для каждаго понятно, насколько не правъ Толстой, называя государственные законы противорѣчіемъ жизни и произведеніемъ корысти, обмана и борьбы партій. Требованія этихъ законовъ суть требованія народной совѣсти и потому осуждать ихъ значитъ осуждать совѣсть цѣлаго народа. По ученію христіанскому, законъ является необходимымъ послѣдствіемъ существованія преступленій или грѣховъ (Гал. 3, 19; Рим. 4, 15), а съ другой стороны — средствомъ для распознаванія преступленій отъ дѣйствій непротивныхъ совѣсти или Закону Божію (Рим. 3, 20). Значитъ, законы указываютъ зло или преступленія въ общественной жизни и, наказывая преступниковъ, какъ бы говорятъ всему обществу, что и впредь такое преступленіе не можетъ оставаться не наказаннымъ. Основная идея общественныхъ законовъ состоитъ въ томъ, чтобы удовлетворялась правда, чтобы „судъ могъ возвратиться къ правдѣ“, по выраженію псалмопѣвца (Пс. 33, 15). Преступленіемъ нарушается святость закона, и потому преступникъ получаетъ должное наказаніе. Раскаявшійся на крестѣ разбойникъ имѣлъ истинное понятіе о значеніи наказаній, опредѣляемыхъ законами, когда сказалъ: „мы осуждены справедливо, потому что по дѣламъ нашимъ приняли“ (Лук. 23, 41). Отсюда слѣдуетъ, что и самое высшее наказаніе — смертная казнь, налагаемая закономъ, вытекаетъ изъ самой сущности дѣла. И дѣйствительно, если наказаніе должно быть правед-

¹⁾ См. его сочиненія: „Царство Божіе внутри васъ“, „Патріотизмъ и христіанство“, „Рабство нашего времени“. „Неужели эго такъ?“, „Гдѣ выходъ?“ и др.

²⁾ „Царство Божіе внутри васъ“, ч. I, стр. 174.

нымъ воздаяніемъ, то такіа преступленія, какъ, напр., преднамѣренное убійство или разбой, сами собой, такъ сказать, вызываютъ смертную казнь, какъ единственно соответствующее себѣ возмездіе. „Кто прольетъ кровь человѣческую, того кровь прольется рукою человѣка: ибо человѣкъ созданъ по образу Божію“ (Быт. 9, 6). Законность смертной казни, ясно выраженная въ этомъ ветхозавѣтномъ изреченіи, предполагается и такими мѣстами Новаго Завѣта, какъ: „всѣ, взявшіе мечъ, мечемъ погибнуть“ (Мѡ. 26, 52); „кто мечемъ убиваетъ, тому самому надлежитъ быть убиту мечемъ“ (Откр. 13, 10. Ср. Дѣян. 25, 11).

Итакъ, государственные законы, опредѣляющіе наказанія за разнаго рода преступленія, обусловливаются не „корыстію, обманомъ и борьбой партій“, какъ утверждаетъ Толстой, а волею Божіей, чтобы справедливость утверждалась на землѣ и внѣшнимъ правовымъ порядкомъ. „Начальникъ есть Божій слуга, отмститель въ наказаніе дѣлающему злое“ (Рим. 13, 4).

Показывая всю важность и значеніе государственныхъ законовъ, христіанство вмѣстѣ съ тѣмъ внушаетъ своимъ послѣдователямъ, вопреки лжеученію Толстого, необходимость повиновенія имъ. Хотя бы тотъ или другой законъ былъ весьма несовершенъ, онъ чрезъ это не теряетъ своей обязательной силы и никѣмъ не можетъ быть нарушенъ безъ должной за то отвѣтственности. „Отдавайте всякому должное (т. е. то, что требуется по закону), заповѣдуетъ ап. Павелъ (Рим. 13, 7). Эта апостольская заповѣдь освящена примѣромъ жизни самого Іисуса Христа. Такъ, когда однажды сборщики подати на храмъ обратились къ Нему чрезъ ап. Петра съ требованіемъ заплатить дидрахму, составлявшую ежегодную и обязательную для всѣхъ, кромѣ священниковъ и левитовъ, храмовую подать, то Онъ, хотя предварительно объяснилъ Петру, что такое требованіе не должно простираться на Него, какъ на Сына Божія, однако,

„чтобы не соблазнить их“ (сборщиковъ податей), т. е. чтобы они, не понимавшіе Его высокаго званія, не думали, что Онъ не хочетъ платить дани на храмъ и тѣмъ оказывается презрителемъ храма и нарушителемъ закона¹⁾, повелѣлъ Петру уплатить требуемое (Мф. 17, 24—27). Въ другой разъ, когда фарисеи, стараясь уличить Христа въ противленіи верховной власти, предложили Ему лукавый вопросъ: „какъ тебѣ кажется? позволительно ли (съ точки зрѣнія закона еврейскаго) давать подать Кесарю (т. е. римскому императору), или нѣтъ?“ Христосъ, указавши имъ на изображеніе и надпись кесаря на динаріѣ, сказалъ, что они должны отдавать кесарю, что ему подобаешь, и что это не мѣшаетъ имъ воздавать должное Богу, т. е. не можетъ нарушать ихъ религіознаго закона (Мф. 22, 17—21).

Высказывая такое уваженіе и повиновеніе государственнымъ законамъ, Іисусъ Христосъ, очевидно, не могъ быть соціально-политическимъ реформаторомъ или революціоннымъ демагогомъ, какъ смотритъ на Него вслѣдъ за Бѣлинскимъ²⁾ Л. Толстой³⁾. Онъ постоянно входилъ въ общеніе съ разными классами іудейскаго общества, и соціально-государственныя нужды народа должны были извѣстны Ему. Онъ долженъ бы, конечно, если бы хотѣлъ, предпринять какія-нибудь реформы, сказать хоть что-нибудь на тѣ молчаливые вопросы, какіе предлагала современная Ему жизнь. Но во всемъ Евангеліи нѣтъ ни малѣйшаго указанія на то, что Христосъ желалъ когда-нибудь взять на себя роль реформатора внѣшней соціально-политической жизни. Мало того, изъ

¹⁾ Толковос Евангеліе Микхила, т. I, стр. 335 и дал.

²⁾ Бѣлинскій, открыто издѣваясь надъ ученіемъ Христа, говорилъ, что если бы Онъ появился теперь, то примѣнулъ бы непримѣнно къ соціалистамъ и пошелъ за ними (см. Достоевскій. Полное собраніе сочиненій, 1886 г., т. V, стр. 151).

³⁾ „Царство Божіе внутри васъ“, ч. I, стр. 63.

Евангелія видно, что Онъ не хотѣлъ принять на себя не принадлежащее Ему по общественному закону даже простое званіе обыкновеннаго судьи или начальника. Такъ, когда „нѣкто изъ народа“ обратился ко Христу съ просьбой, чтобы Онъ сказать его брату раздѣлить съ нимъ наслѣдство, какъ ему хочется, Христось, хотя могъ бы, въ силу личнаго своего авторитета, побудить своекорыстнаго человѣка отдать должное брату своему, однако отвѣтилъ „человѣку тому: кто поставилъ Меня судить или дѣлить васъ“? (Лук. 12, 13—14). Поэтому, еще менѣе можно видѣть въ Иисусѣ Христѣ какого-то демагога-революціонера, какимъ старается представить Его Толстой, а за нимъ и авторы современныхъ соціалистическихъ романовъ, сюжетъ которыхъ займствуется изъ земной жизни Христа¹). Хотя Иисусъ Христось, какъ видно изъ Евангелія, обрѣцался съ своимъ ученіемъ и къ народной толпѣ, но Онъ, вопреки обыкновенію революціонныхъ агитаторовъ, никогда не думалъ о томъ, чтобы привлечь ее на свою сторону и возжигать въ ней неудовольствіе въ отношеніи къ законному правительству. Напротивъ, намъ извѣстно изъ Евангелія, что когда, по случаю чудеснаго насыщенія пятью хлѣбами и двумя рыбами пяти тысячъ человѣкъ, народъ такъ пораженъ былъ этимъ, что хотѣлъ насильно поставить Чудотворца своимъ царемъ въ Іерусалимѣ, то Иисусъ Христось, „узнавъ“ объ этомъ, тотчасъ же „удалился“ отъ толпы и скрылся (Іоан. 6, 15). По временамъ даже Христось прямо запрещалъ рассказывать о своихъ чудесахъ (Мѡ. 8, 4), чтобы не увлекать за Собою народъ и преждевременно не раздражать ложныхъ и мечтательныхъ представленій его о царствѣ Мессіи, пока не выяснятся и не распространятся въ немъ здравыя понятія объ этомъ царствѣ²). Поэтому видѣть въ Иисусѣ Христѣ

¹) См. Н. Розановъ. „Соціально-экономическая жизнь и Евангеліе“. „Православно-русское слово“, 1904 г., № 7, стр. 614.

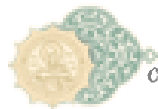
²) Толковое Евангеліе Михаила, т. I, стр. 149.

народнаго демагога-агитатора—значить повторять жалкія обвиненія противъ Него древнихъ іудеевъ, ложно свидѣтельствовавшихъ на Него, что будто Онъ, какъ выдающій себя за царя, „противникъ Кесарю“ (Іоан. 19, 12) и, „запрещая давать подать Кесарю“ (Лук. 23, 2), возмущаетъ противъ него народъ.

Точно также и апостолы никогда не принимали на себя несвойственную имъ по ихъ служенію роль соціально-политическихъ реформаторовъ и тѣмъ болѣе революціонныхъ демагоговъ. По примѣру Іисуса Христа они не только словомъ, но и своею жизнію учили вѣрующихъ правильно относиться къ существующимъ въ государствѣ законамъ и основаннымъ на нихъ порядкамъ. Такъ, ап. Павелъ, обративши ко Христу одного убѣжавшаго отъ своего господина раба, по имени Онисима, почелъ долгомъ возвратить обращеннаго законному его господину—Филимону, хотя, какъ самъ свидѣтельствуется, весьма желалъ бы удержать его при себѣ, какъ сына, духовно имъ рожденнаго и сдѣлавшагося возлюбленнымъ братомъ для всѣхъ вѣрующихъ, а въ томъ числѣ и для самаго господина своего, и при томъ не только „въ Господѣ“, но и „по плоти“, т. е. въ земномъ гражданскомъ отношеніи (Филим. 1, 10—16). И всѣ первенствующіе христіане съ такимъ уваженіемъ относились къ требованіямъ государственнаго закона, что едва-ли между подданными римскихъ императоровъ были люди, болѣе усердно и точно исполнявшіе свои обязанности къ государству, чѣмъ они.

Итакъ, христіанство требуетъ уваженія къ существующимъ въ государствѣ законамъ. А такъ какъ разумная душа человѣческая „по природѣ христіанка“, то поэтому трудно согласиться съ Толстымъ, когда онъ утверждаетъ, что требуемое христіанствомъ повиновеніе государственнымъ законамъ не удовлетворяло бы требованіямъ „разумности“ человѣческой природы.

Кромѣ великаго или общаго противорѣчія государственной жизни, состоящаго въ подчиненіи людей государственнымъ законамъ, Толстой различаетъ еще частныя государственныя противорѣчія. Въ частности, онъ усматриваетъ противорѣчія государственной жизни въ томъ, что, напр., люди „признають ненужность таможенъ и заграничныхъ пошлинъ, и въ то же время должны платить ихъ, признають бесполезными расходы на содержаніе двора и многихъ чиновъ управленія... и должны участвовать въ поддержаніи этихъ учреждений...; не признають необходимости войскъ и войны, и должны нести страшныя тяжести для содержанія войскъ и веденія войны“ и т. д. ¹⁾ Итакъ, вооружаясь противъ государственныхъ налоговъ и пошлинъ, Толстой отмѣчаетъ лишь возможность ихъ „бесполезнаго“ расходованія, ихъ „ненужность“ и при этомъ намѣренно умалчиваетъ о томъ, сколько государство расходуетъ на народныя нужды и потребности: на защиту государства отъ внѣшнихъ враговъ, посягающихъ на его честь, благоустройство и благосостояніе, и на предупрежденіе внутреннихъ беспорядковъ, на школы, больницы, пріюты, богадѣльни, устройство путей сообщенія, улучшеніе народнаго хозяйства и т. д. Не мѣшаетъ напомнить Толстому, похваляющемуся своимъ христіанскимъ настроеніемъ, и то, что въ искренней готовности платить подати и пошлины, налагаемыя правительствомъ для удовлетворенія общественныхъ нуждъ, состоитъ одна изъ важныхъ гражданскихъ добродѣтелей: „отдавайте всякому должное: кому подать, подать; кому оброкъ, оброкъ“ (Рим. 13, 7. Ср. ст. 6).

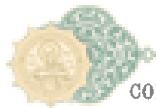
Не представляется справедливымъ съ христіанской точки зрѣнія и негодованіе Толстого по поводу государственной

¹⁾ „Царство Божіе внутри васъ“, ч. I, стр. 174 и дал.

необходимости содержать войска и вести войны ¹⁾). Хотя христианство, какъ религія мира и любви, не можетъ не осуждать того духа, который обыкновенно порождаетъ войны, и потому ежедневно по нѣскольку разъ заставляеть вѣрующихъ возносить свои моленія „о мирѣ всего міра“, объ „избавленіи отъ меча, нашествія иноплемениковъ и междоусобныя брани“; но за то оно не можетъ осуждать и такой самозащиты, которая требуетъ противопоставлять оружію оружіе. Правда, въ Евангеліи нигдѣ не говорится о томъ, признавалъ ли Иисусъ Христосъ войну дозволенною; но можно думать, что для жизни общественно-государственной Онъ не отрицалъ ея значенія, именно какъ средства защиты отъ нападенія враговъ. По крайней мѣрѣ, на вопросъ Пилата: „Ты Царь Іудейскій?“ Христосъ отвѣчалъ: „царство Мое не отъ міра сего (т. е. не мірское въ общемъ смыслѣ, не политическое); если бы отъ міра сего было царство Мое (и Я былъ царь въ политическомъ смыслѣ); то служители Мои (всѣ сторонники Моихъ политическихъ—царскихъ правъ) подвизались бы за Меня (οἱ υπηρέται αὐτοῦ οἱ ἑροὶ ἡρώων) (ζουο), чтобы Я не былъ преданъ Іудеямъ“ (Іоан. 18, 33, 36). Когда ап. Павелъ называетъ начальниковъ служителей Божіими, которые „не напрасно носятъ мечъ“ (Рим. 13, 4), т. е. не для украшенія только или устрашенія, но для дѣйствительнаго отмищенія злодѣямъ, то, очевидно, разумѣеть власть военную. Въ томъ обстоятельствѣ, что власти данъ отъ Бога мечъ, нельзя не видѣть оправданія войны съ христіанской точки зрѣнія ²⁾). Есть оптимисты-философы и

¹⁾ А въ своемъ протестѣ противъ настоящей войны нашей съ Японіей онъ доходитъ до такого упоминанія, что совѣтуетъ русскимъ, чтобы они добровольно покорились японцамъ и не сопротивлялись имъ, хотя бы даже японцы вздумали овладѣть Москвою и Петербургомъ (см. „Церк. Вѣстникъ“, 1904 г., № 27, стр. 838—39).

²⁾ Обстоятельный разборъ откровенныхъ данныхъ о законности войны помѣщенъ въ сочиненіи проф. А. Гусева: „О сущности религіозно-нравственнаго ученія Л. Н. Толстого“. Казань. 1903 г.

поэты, которые мечтають о такомъ времени, когда войны прекратятся и водворится всеобщій миръ на землѣ ¹⁾). Но пока все человѣчество не будетъ болѣе или менѣе одинаково проникнуто духомъ христіанской любви къ ближнему, до тѣхъ поръ война не перестанетъ быть печальною необходимостію для него, какъ послѣднее неизбѣжное средство къ огражденію законной свободы отъ беззаконнаго насилія. Но это произойдетъ только въ концѣ всего, когда „и сама тварь, совокупно съ нами стенающая и мучающаяся донинѣ, освобождена будетъ отъ рабства тлѣнію въ свободу славы дѣтей Божиихъ“ (Рим. 8, 21—22), т. е. когда „ждемся новаго неба и новой земли, на которыхъ обитаетъ правда“ (2 Петр. 3, 13). До того же времени, по словамъ самого Іисуса Христа, постоянно „будетъ слышно о войнахъ и о военныхъ слухахъ..., ибо надлежитъ всему тому быть; но это еще не конецъ. Ибо возстанетъ народъ на народъ, и царство на царство“ (Мѣ. 24, 6—7).

Главною причиною войны Толстой признаетъ чувство патріотизма, которое, какъ несовмѣстимое будто бы съ обязанностію христіанина одинаково любить всѣхъ людей, онъ называетъ противохристіанскимъ ²⁾). Въ этомъ случаѣ Толстой, очевидно, является солидарнымъ съ тѣми изъ представителей социализма, которые стараются разрѣшить социали-

¹⁾ „И не будетъ на свѣтѣ ни слезъ, ни вражды,
„Ни безкrestныхъ могилъ, ни рабовъ,
„Ни нужды, безпросвѣтной, мертвищей нужды,
„Ни меча, ни позорныхъ столбовъ (Надсонъ).

Такая оптимистическія чашія имѣють нѣкоторое основаніе для себя въ самомъ Свщ. Писаніи, которое тоже говоритъ о такомъ времени, когда „волею будетъ жить вмѣстѣ съ агнечкомъ, и барсъ будетъ лежать вмѣстѣ съ козленкомъ“ (Ис. 11, 6), когда „перекують мечи свои на орала, и копья свои—на серпы“ (Ис. 2, 4. Ср. Мих. 4, 3). Поэтому „вѣчный миръ“ на землѣ навсегда останется идеаломъ, къ которому должно стремиться. Гаагская конференція имѣетъ царствующаго Николая II служить тому достойнымъ примѣромъ.

²⁾ „Царство Божіе внутри васъ“, ч. I, стр. 186, 194

стическую проблему на почвѣ космополитизма ¹⁾. Но и въ вопросѣ о патріотизмѣ христіанство совершенно не согласно съ ученіемъ Толстого, такъ какъ оно считаетъ любовь къ отечеству чувствомъ высокимъ и священнымъ. „Если кто о своихъ, и особенно о домашнихъ не печется, учитъ ап. Павелъ, тотъ отрекся отъ вѣры, и хуже невѣрнаго“ (1 Тим. 5, 8). Признать себя только гражданиномъ всего міра и въ то же время не считать себя сыномъ своего отечества—значитъ отказываться отъ всякихъ гражданскихъ обязанностей; потому что только служа любвию нашимъ приснымъ, къ которымъ поставлены въ ближайшія отношенія, мы можемъ учиться служить и всѣмъ ближнимъ (1 Фесс. 3, 12) ²⁾. Будучи апостоломъ „языковъ“, Павелъ возвышалъ слово Божіе преимущественно язычникамъ (Гал. 1, 16), и однакожъ его сердце было проникнуто горячимъ чувствомъ любви къ своему народу. Сокрушаясь по причинѣ упорнаго невѣрія своихъ соотечественниковъ въ Господа Спасителя, онъ, между прочимъ, писалъ: „истину говорю во Христѣ, не лгу, свидѣтельствуемъ мнѣ совѣсть моя въ Духѣ Святомъ, что великая для меня печаль и непрестанное мученіе сердцу моему; я желалъ бы самъ быть отлученнымъ отъ Христа за братьевъ моихъ, родныхъ мнѣ по плоти, то есть, Израильтянъ“ (Рим. 9, 1—4). Самъ Господь Іисусъ Христосъ былъ преисполненъ высочайшаго патріотическаго чувства. Правда, Онъ, какъ Богъ, всегда хотѣлъ и „хочетъ, чтобы всѣ люди спаслись, и достигли познанія истины“ (1 Тим. 2, 4), но, какъ сынъ своего народа, первѣе всего заботился о „погибшихъ

¹⁾ Такъ, Фурье мечталъ о такой общественной организаціи, которая должна была объединять все человѣчество въ единую громадную общинархію. И Марксъ придавъ своему социализму космополитическій характеръ, исходя изъ той мысли, что пролетаріатъ во всѣхъ странахъ страдаетъ отъ однихъ и тѣхъ же причинъ и долженъ сплотиться для достиженія однихъ и тѣхъ же цѣлей.

²⁾ Подробнѣе объ этомъ см. І. Татарскаго „Космополитизмъ, какъ одно изъ началъ современности“. „Приб. къ Тв. св. отецъ“, ч. 32.

овцахъ дома Израилева“ (Мѣ. 10, 5—8; 15, 24). Для подтвержденія той же мысли мы не будемъ указывать на Его трогательную любовь къ Галилеѣ, Тиверіадскому озеру, „Своему городу“ (Мѣ. 9, 1)—Капернауму; мы ограничимся воспоминаніемъ лишь о томъ, какъ за нѣсколько дней до своихъ крестныхъ „страданій, во время торжественнаго входа въ Іерусалимъ, Онъ, взглянувъ на этотъ городъ, „заплакатъ о немъ“ въ виду ожидавшей его горькой участи и сказалъ: „о если бы и ты хотя въ сей твой день узналъ, что служитъ къ миру твоему“ (Лук. 19, 41—44). Могъ ли послѣ этого Христосъ, Самъ плакавшій объ Іерусалимѣ, осудить тѣхъ изъ своихъ соотечественниковъ, находившихся въ плѣну, которые, движимые чувствомъ любви къ своему отечеству, также со слезами на глазахъ говорили нѣкогда, обращаясь къ священному для нихъ городу: „при рѣкахъ Вавилона тамъ сидѣли и плакали, когда вспоминали о Сіонѣ... Какъ намъ пѣть пѣснь Господню на землѣ чужой? Если я забуду тебя, Іерусалимъ, забудь меня десница моя. Прильпни языкъ мой къ гортани моей, если не буду помнить тебя, если не поставлю Іерусалима во главѣ веселія моего“ (Пс. 136, 1, 4—6) ¹⁾.

Итакъ, если христіанство не осуждаетъ патріотизма, которымъ было преисполнено сердце Самого Спасителя и Его Апостоловъ, то какъ же не правъ Толстой, называя его чувствомъ противохристіанскимъ? Хотя христіанская любовь обнимаетъ всѣхъ людей безъ исключенія, такъ какъ въ каждомъ человѣкѣ видитъ своего ближняго и признаетъ его права не только на справедливость, но и на братское расположеніе къ себѣ другихъ; но эта всеобъемлемость ея не обязываетъ христіанина одинаково любить всѣхъ людей и не препят-

²⁾ Прекрасный анализъ относящихся сюда мѣстъ Свщ. Писанія можно найти въ сочиненіи В. Никольскаго: „Христіанство, патріотизмъ и война“. „Правосл. Собесѣдникъ“, 1904 г., май, стр. 766—86.

ствуешь ему питать особенную и преимущественную любовь къ своему народу, съ которымъ онъ тѣсно связанъ жизнію тѣлесною, религіозными побужденіями и вѣсьмъ внутреннимъ строемъ души своей. Универсальностію или всеобъемлемостію любви христіанской патріотизмъ не исключается, а только очищается отъ эгоистическихъ элементовъ и слѣпого пристрастія ко всему своему, что именно, въ связи съ враждебнымъ отношеніемъ и недоброжелательствомъ ко всему чужому, и является въ международныхъ сношеніяхъ главною причиною войны, а не самый патріотизмъ, какъ думаетъ Толстой. Впрочемъ, и истинная любовь къ отечеству можетъ побудить и дѣйствительно побуждаетъ иногда патріота стать на вооруженную защиту интересовъ своего народа противъ иноземныхъ притязаній. Но это бываетъ только тогда, когда онъ не видитъ другого лучшаго исхода изъ даннаго положенія. Та же самая любовь къ отечеству, при другихъ обстоятельствахъ, напротивъ, всячески стараются удержать патріота отъ войны, поведетъ его къ уступкамъ враждующему противъ его отечества народу. Поэтому, и въ данномъ случаѣ считать патріотизмъ главною причиною войны—значить вмѣстѣ съ Толстымъ высказывать невѣрное сужденіе.

Война невозможна безъ войска, т. е. безъ лицъ, несущихъ военную службу. И относительно военной службы христіанство совершенно несогласно съ Толстымъ, который не иначе называетъ всѣхъ военныхъ, какъ „оскотинепными“ людьми¹⁾. Въ бесѣдѣ съ капернаумскимъ сотникомъ, для котораго военная служба составляла профессію, Иисусъ Христосъ не требовалъ, чтобы онъ оставилъ свою службу и не назвалъ его „оскотиненнымъ“ челоѣкомъ, а, напротивъ, указывая на него іудеямъ, какъ на примѣръ достойный под-

¹⁾ Последнее сочиненіе графа Л. Н. Толстого „Царство Божіе внутри насъ“ (Критическій разборъ). Харьковъ, 1894 г., стр. 159.

ражанія, отозвался о немъ такъ: „истинно говорю вамъ, и во Израилѣ не нашелъ Я такой вѣры (Мѡ. 8, 10; Лук. 7, 9). Другой „сотникъ и бывшіе съ нимъ“ у креста распятаго Іисуса едва-ли также были „оскотиненными“ людьми, такъ какъ въ чудесахъ, сопровождавшихъ смерть Іисуса Христа, всѣ они увидѣли доказательство истинности того, что Онъ Сынъ Божій (Мѡ. 27, 54), и увѣровали въ Него ¹⁾. И къ сотнику Корнилию никакимъ образомъ не можетъ быть примѣнено названіе „оскотиненнаго“ челоуѣка въ виду тѣхъ добродѣтелей, за которыя онъ былъ удостоенъ особыхъ знаменъ милости Божіей: онъ былъ „мужъ благочестивый и боящійся Бога со всѣмъ домоу своимъ, творившій много милостыни народу и всегда молившійся Богу“ (Дѣян. 10, 1—2). Итакъ, если воины сами по себѣ (по причинѣ того только, что несутъ военную службу) не могутъ быть названы „оскотиненными“ людьми, то понятно, почему христіанство не находитъ ничего соблазнительнаго и въ томъ, что свое содержаніе они получаютъ отъ государства, чѣмъ крайне возмущается Толстой. Въ числѣ лицъ, слышавшихъ проповѣдь Іоанна Крестителя и спрашивавшихъ его, что имъ дѣлать, были, между прочимъ, воины. Іоаннъ не порицалъ ихъ за получаемое ими отъ правительства содержаніе, а требовалъ только, чтобы они „никого не обижали, не клеветали и довольствовались своимъ жалованьемъ“ (Лук. 3, 14). „Какой воинъ, спрашиваетъ ап. Павелъ, служитъ когда-либо на своемъ содержаніи“ (1 Кор. 9, 7). „Никакой воинъ, говоритъ онъ же, не связываетъ себя дѣлами житейскими, чтобы угодить военачальнику“ (2 Тим. 2, 4).

Такимъ образомъ въ лицѣ Толстого, рѣшительно отвергающаго государственные законы, подати и пошлины,

¹⁾ По крайней мѣрѣ преданіе (имену этого сотника Лонгиномъ) говорить, что онъ сдѣлался христіаниномъ и послѣ даже мученикомъ (Чет. Мин. октября 16).

войну и патриотизмъ, военную службу и пр., социализмъ (по крайней мѣрѣ—нашъ русскій) достигъ своего крайняго развитія въ смыслѣ отрицанія основныхъ устоевъ существующаго строя государственной жизни.

Стараясь ниспровергнуть существующее политическое устройство, социализмъ вмѣстѣ съ тѣмъ выступаетъ съ проповѣдью *антирелигіознаго-радикализма*, проявляющагося въ отрицанія всякой религіи, въ томъ числѣ и христіанской¹⁾. И это понятно. Много было и есть такихъ религій у людей, въ которыхъ и понятія о Божествѣ и образъ богопочитанія чрезвычайно грубы; но каковы бы ни были религіозныя вѣрованія народа, въ нихъ все-таки есть задатокъ общественнаго развитія его. Въ религіи народа всегда лежатъ, или по крайней должны лежать послѣднія, самыя глубокія, внутреннія основы общественной жизни его. Человѣкъ не можетъ двояться такъ, чтобы иначе смотрѣлъ на вещи какъ человѣкъ, какъ частное лицо, и совсѣмъ иначе—какъ гражданинъ, какъ членъ общества. Общественныя отношенія, конечно, много усложняютъ наши обязанности, но не отрываютъ ихъ отъ ихъ корня. Поэтому, религіозное ученіе, и не занимаясь прямо социальными-политическими вопросами, всегда имѣетъ прямое отношеніе къ общественному быту людей. Всѣ общественные порядки и учрежденія болѣе или менѣе тѣсно связаны съ религіозными вѣрованіями народа или даже прямо основываются на нихъ, какъ на своей опорѣ. И чѣмъ выше и чище эти вѣрованія, тѣмъ тверже обособиваются онѣ жизнь общественную; ибо въ религіозныхъ

¹⁾ „Ученіе социализма, говоритъ извѣстный социалистическій писатель, предполагаетъ человѣка въ атеизмѣ“ (А Исаевъ. „О социализмѣ нашихъ дней“, стр. 326). „Социализмъ, по словамъ Исаева, не можетъ принадлежать къ паствѣ каковой-либо изъ христіанскихъ церквей—до такой степени ученіе и жизнь церкви идутъ въ разрѣзъ со всѣмъ, что составляетъ основныя начала социализма“ (Тамъ-же, стр. 310. Ср. 311—317).

убѣжденіяхъ народа заключается вся сумма его нравственныхъ понятій—о добродѣтели и порокахъ, о происхожденіи и назначеніи человѣка, о правахъ и обязанностяхъ его и т. п. Вотъ почему глубокія и сильныя измѣненія въ религіозныхъ воззрѣніяхъ народовъ всегда влекли за собой соотвѣтственныя перемѣны въ строѣ ихъ общественной жизни. Потому же въ человѣческихъ обществахъ всегда возникали стремленія къ ниспроверженію существующаго порядка, какъ скоро въ народной массѣ вкоренялось убѣжденіе, что этотъ порядокъ не имѣетъ никакого высшаго освященія, другими словами, когда начинало колебаться подъ тѣмъ или другимъ общественнымъ порядкомъ или учрежденіемъ религіозное основаніе. Понятно послѣ этого, почему социалисты при своихъ радикально-политическихъ тенденціяхъ стараются потрясти въ народѣ и глубочайшія основы вѣры. Такъ это было во время парижской коммуны (1871 г.), когда социалисты всѣ до одного были не только матеріалистами, но и атеистами ¹⁾. Такъ дѣйствуютъ нынѣ въ Германіи органы соціально-демократической партіи, которые, поэтому, называютъ социализмъ „дитятей атеизма“ и „провозвѣстникомъ новой атеистической культурной эпохи“. Луи Бланъ стоялъ на деистической точкѣ зрѣнія, Прудонъ—на атеистической. Есть между социалистами и такіе (хотя въ настоящее время ихъ очень немного), которые стараются придать социализму характеръ новой всемірной религіи. Сентъ-симонизмъ прямо выступилъ, какъ религіозная секта (*religion Saintsimonienne*); такимъ же характеромъ новой религіи отличается социалистическое ученіе Пьера Леру. К. Марксъ проповѣдывалъ безусловный атеизмъ. „Мы, говоритъ онъ, не хотимъ никакой религіи, потому что религія помрачаетъ умъ; религія

¹⁾ Wilhelm Blos. Zur Geschichte der Commune von Paris. Nürnberg, 1874 г., стр. 35 и дал.

есть опіумъ для народа“ ¹⁾). Изъ русскихъ соціалистовъ крайнимъ представителемъ атеизма былъ Бакунинъ, который смотрѣлъ на религію, какъ на „заблужденіе мысли“ и требовалъ ея совершеннаго уничтоженія. Бѣлинскій и Чернышевскій въ вопросахъ религіозныхъ также были очень свободными мыслителями. Толстой живетъ религіозно-философскими идеями, господствовавшими въ кружкѣ Бѣлинскаго.

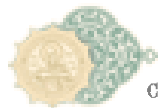
Интересенъ взглядъ современнаго соціализма-марксизма собственно на религію христіанскую. Онъ заслуживаетъ того, чтобы подробнѣе остановиться на критическомъ разсмотрѣніи его.

Христіанство есть религія пролетаріата; своимъ происхожденіемъ оно обязано не личности Христа, какъ учить Церковь, а тѣмъ же пролетаріямъ, — таковы существенныя положенія теоріи марксистовъ ²⁾).

Марксизмъ, стараясь объяснить возникновеніе христіанской религіи, утверждаетъ, что она представляетъ собою порожденіе класса пролетаріевъ. Христіанство — философія нищеты, и эту философію принимали лишь подопки греко-римскаго и еврейскаго общества. Несправедливость этого утвержденія доказывается уже тѣмъ, что христіанство никогда не исповѣдывалось однимъ какимъ-либо классомъ общества, а всегда было, если можно такъ выразиться, сверхклассовою религіей. Христово благовѣстіе всю жизнь и всѣ отношенія людей освѣщаетъ съ точки зрѣнія вѣчности и стоитъ выше всякихъ различій между богатыми и бѣдными, рабами и свободными (Колос. 3, 11). Какъ благовѣстіе Божіе, оно является отрадою для всѣхъ людей вообще, а не для однихъ обездоленныхъ. Всѣмъ, безъ различія, людямъ оно указываетъ на нравственное зло, на грѣхъ, и всѣмъ имъ пред-

¹⁾ Düring, „Kritische Geschichte des Socialismus“. Berlin, 1875 г.

²⁾ А. Полозовъ. „Экономическій матеріализмъ и религія“. „Вѣра и Церковь“. 1903 г., кн. 3, стр. 376 и дал.

лагають силы и средства къ спасенію (Еф. 4, 4—6). Всякаго челоуѣка оно призываетъ полагать свою жизнь за пріобрѣтеніе „жемчужины“ — святости, за наслѣдіе вѣчной жизни“. Вотъ почему всѣ классы греко-римскаго и іудейскаго общества (а не одни лишь подонки его) съ одинаковою ревностію устремились къ пришедшему въ міръ Божественному Искушителю, Который былъ чаяніемъ всѣхъ языковъ (Быт. 49, 10) и утѣхой не для одного Израиля (Лук. 2, 25. Ср. ст. 31, 32). Извѣстно, что за пастырями Виллеемскими приходили поклониться Новорожденному Спасителю міра и волхвы или мудрецы отдаленнаго языческаго востока и при этомъ предложили Ему, какъ Богу, Царю и челоуѣку, свои дары. Послѣ этого понятно, почему нельзя приписывать христіанству классовый характеръ, признавая его созданіемъ пролетаріата; такъ смотрѣть на него — значитъ забывать его вселенское или всемірное значеніе (Мѡ. 28, 19; Мрк. 16, 15) и глубоко извращать его сущность. Если же все-таки больше всего ходило за Христомъ людей бѣдныхъ и простыхъ, и большинство Его послѣдователей принадлежало къ низшимъ классамъ общества, то это, конечно, потому, что бѣднаго и простаго люда всегда было и есть несравненно больше, чѣмъ людей богатыхъ и знатныхъ, а также потому, что у бѣднѣе и простецовъ, при всей видимой ихъ грѣховности, бываетъ, вообще говоря, больше сердечной чистоты и покаянной настроенности, чѣмъ у богатыхъ и знатныхъ. А Христосъ приходилъ не здоровыхъ врачевать, но больныхъ, не праведниковъ призвать къ покаянію, но грѣшниковъ (Мѡ. 9, 12—13; Мрк. 2, 17).

Итакъ, не пролетаріи создали христіанство, а нѣкто другой. Кто же именно? Оно основано Самимъ Господомъ Іисусомъ Христомъ и не отдѣлимо отъ Его Божественной личности, какъ свѣтъ не можетъ быть отдѣленъ отъ солнца, отъ котораго онъ истекаетъ и распространяется по всей все-

ленной. Оно есть откровеніе глубочайшей сущности Его духа. Между тѣмъ марксисты, приписывая происхожденіе христіанства творческой дѣятельности извѣстнаго класса общества, не придаютъ при этомъ личности Христа почти никакого значенія. Но христіанство не можетъ быть объяснено безъ личнаго Основателя его—Иисуса Христа,—изъ той общественной среды, въ которой оно явилось. Въ лицѣ Иисуса Христа должно признать нравственный фактъ, единственный во всей исторіи міра: ни до Него, ни послѣ Него не было человѣка, который сознавалъ бы себя Единороднымъ Сыномъ Божиимъ, въ силу какового сознанія могъ бы сказать о себѣ: „Я и Отецъ едино“ (Іоан. 10, 30. Ср. ст. 36 и 38),—и въ которомъ такое сознаніе имѣло бы значеніе универсальнаго начала жизни, и при томъ начала дѣятельнаго, заявившаго себя въ ученіи и дѣлахъ Самого Христа и въ духовно-нравственной жизни человѣчества. Сознаніе Себя Единороднымъ Сыномъ Божиимъ составляетъ сущность богосознанія Спасителя, лежащаго (богосознанія) именно въ основѣ всего христіанства, и не можетъ быть объяснено безъ Него Самого,—изъ вліянія окружавшей Его среды; наоборотъ, все Его отношеніе къ средѣ объясняется собственно этимъ центральнымъ фактомъ Его сознанія¹⁾. Стоить только сказанное принять въ соображеніе, чтобы признать совершенно неудачною попытку марксистовъ объяснить происхожденіе христіанства безъ личнаго Основателя его—Иисуса Христа.

Марксизмъ, такъ пылающійся объяснить происхожденіе христіанства, т. е., другими словами, смотрящій на него,

¹⁾ К. Грягорьевъ. „Разборъ мнѣній представителей 'современнаго социализма о происхожденіи христіанства“. „Правосл. Собесѣдникъ“. 1903 г., февраль, стр. 266 и дал.

какъ лишь на продуктъ соціально-экономической організації сучаснаго виникновенію его общества, стремится, очевидно, въ концѣ концовъ уничтожить христіанство и занять его мѣсто. И дѣйствительно, по увѣренію марксистовъ, христіанство исчезнетъ въ будущемъ соціалистическомъ строѣ общества¹⁾. Но это увѣреніе не заслуживаетъ серьезнаго вниманія; ибо въ религіозномъ отношеніи для человѣчества никогда не будетъ абсолютнаго банкротства, какъ никогда не было и не можетъ быть безусловнаго совершенства въ данномъ отношеніи. Будутъ, какъ и были, періоды религіознаго расцвѣта, будутъ, какъ и есть, эпохи сильнаго невѣрія; но совершенное исчезновеніе религіи ожидается только при концѣ міра, когда „Сынъ человѣческій, пришедши (второй разъ на землю для всеобщаго суда), найдетъ ли вѣру на землѣ?“ (Лук. 18, 8). До того же времени надлежитъ еще быть „проповѣдану Евангелію царствія по всей вселенной, во свидѣтельство всѣмъ народамъ“; но „тогда“ уже „придетъ конецъ“ (Мат. 24, 14).

Вотъ почему въ нѣдрахъ самого соціализма явились въ послѣднее время теоріи, явно не раздѣляющія стремленій марксизма „развѣнчать“ христіанство. Сознавая, что марксизмъ, обѣщающій привести все человѣчество на самый верхъ земнаго благополучія, на самомъ дѣлѣ не можетъ дать ему того, что даетъ и дастъ христіанство, теоретики новѣйшаго соціализма утверждаютъ, что христіанская религія не можетъ и не должна быть отвергнута, что она займетъ свое мѣсто въ жизни будущаго человѣчества, но при непремѣнномъ условіи, если проникнется соціально-демократическимъ духомъ, какимъ, напр., проникнуто римское католичество въ

---

¹⁾ А. Полозовъ. „Экономическій матеріализмъ и религія“. „Вѣра и Церковь“. 1893 г., кн. 5, стр. 758.

позднѣйшихъ энцикликахъ папы Льва XIII, обращенныхъ къ рабочимъ всѣхъ странъ. Пролетаріи, говорятъ они, до тѣхъ поръ будутъ враждебно относиться къ христіанству, пока оно не перестанетъ стоять за интересы господствующихъ классовъ общества; но какъ только оно станетъ приспосабливаться къ пролетаріату, какъ теперь приспосабливается къ жизни буржуазіи, такъ и не будетъ причины враждовать противъ него ¹⁾. Но, какъ видно, и новѣйшій социализмъ домогается невозможнаго. Подобно древнимъ іудействующимъ ересямъ онъ желаетъ, чтобы христіанская религія была не тѣмъ, что есть, а была бы покорнымъ орудіемъ въ рукахъ пролетаріевъ. Утверждать, что христіанство приспосабливается къ понятіямъ и привычкамъ тѣхъ или другихъ классовъ общества, потворствуетъ, напр., людямъ богатымъ въ ихъ алчныхъ стремленіяхъ къ наживѣ и въ то же время учить бѣдныхъ покорности въ интересахъ богачей—значить взводить на Него гнусную клевету. Какъ видно изъ Евангелія, отношеніе ученія Иисуса Христа къ господствовавшимъ у Іудеевъ взглядамъ фарисеевъ и саддукеевъ было далеко не таково, чтобы оно могло благопріятствовать указанному мнѣнію относительно христіанства. Были въ исторіи христіанской церкви люди, которые не церемонились съ христіанствомъ, понимая его по своему и стараясь, такъ сказать, привлечь его на свою сторону. Но зачѣмъ же этимъ печальнымъ явленіямъ, имѣвшимъ совершенно частный характеръ, придавать общее значеніе и ставить ихъ въ связь съ самыми основными началами христіанской религіи, которыя при томъ же не имѣютъ къ нимъ никакого отношенія? Это только показываетъ, что въ устахъ

¹⁾ I. Галаховъ. „Соціалистическія утопіи XIX вѣка и христіанскія начала жизни“. „Вѣра и Разумъ“ 1902 г., № 1, стр. 44—46; № 3, стр. 168—172.

нечестивыхъ людей святѣйшее ученіе Христа можетъ терять свой священный характеръ. Люди могутъ издѣваться надъ христіанствомъ, пытаясь приспособлять его къ себѣ въ цѣляхъ эгоистическихъ; но само христіанство не можетъ принаровляться ни къ какимъ принятымъ мнѣніямъ и любимымъ вкусамъ людей, и не даетъ никакого послабленія и потворства страстямъ человѣческимъ, такъ какъ содержитъ въ себѣ одну чистую и непреложную истину.

IV.

Разсмотрѣвши главнѣйшія требованія соціализма, мы приходимъ къ заключенію, что онъ есть болѣе или менѣе полное и рѣшительное отрицаніе всего существующаго строя общественной жизни. Предпринимая свой разрушительный походъ противъ основныхъ устоевъ этого строя—противъ собственности, семьи, государства, религіи, въ томъ числѣ и христіанской, и пр., соціалисты, повидимому, не хотятъ оставить камня на камнѣ въ нынѣшнемъ соціальномъ зданіи, стремятся пересоздать его отъ основанія до верха. Понятно, что такое чрезвычайное дѣло требуетъ и *средствъ*, тоже чрезвычайныхъ и радикальныхъ. Подобныя средства большинство соціалистовъ находитъ въ *революціи*. Соціализмъ и революціонизмъ родные братья. Они всегда шли рука объ руку, всегда поддерживали другъ друга. Почти всѣ извѣстные герои французской революціи были соціалисты или коммунисты. Мирабо и Трапше, Робеспьеръ и Сентъ-Жюсть слѣдовали тому же революціонному началу возмущенія и разрушенія, что и Бабефъ. Соціализмъ старается распространить въ народныхъ массахъ всеобщее раздраженіе, озлобленіе и недовольство, чтобы при помощи ихъ ско-

рѣе ниспровергнуть существующій порядокъ вещей и на развалинахъ разрушеннаго создать новый лучший порядокъ общественныхъ отношеній. „Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“ — вотъ сокровенный, но вмѣстѣ и искренній лозунгъ революціонной агитаціи соціалистовъ. Съ точки зрѣнія соціализма можно только радоваться все болѣе и болѣе возрастающему общественному недовольству и тяжелымъ условіямъ жизни для большинства людей. Когда жизнь станетъ невыносимой почти уже для всѣхъ, тогда, говорятъ соціалисты, и настанетъ время дѣйствовать огнемъ и мечемъ противъ немногихъ оставшихся деспотовъ и богачей и въ защиту бѣдныхъ и несчастныхъ людей.

Итакъ, соціализмъ водружаетъ на знамени проповѣдуемаго имъ ученія великій принципъ христіанской братской любви къ бѣдствующему и страждущему челоувѣчеству. Но, спрашивается, имѣетъ ли какое-нибудь основаніе маскироваться въ одежды христіанства ученіе, проповѣдующее убійство и разрушеніе. Ужели есть какая-нибудь доля любви къ челоувѣчеству у послѣдователей этого фанатическаго ученія, которые готовы пролить потоки челоувѣческой крови и сдѣлать несчастными цѣлыя поколѣнія людей, чтобы достигнуть результатовъ, польза которыхъ въ высшей степени проблематична. Нѣтъ, это не любовь, а отрицаніе всякой любви: „любовь не дѣлаетъ ближнему зла“ (Рим. 13, 10). Она скорѣе откажется отъ всякихъ правъ своихъ, чѣмъ рѣшится поддерживать ихъ мѣрами насильственными и грубыми. Высокое начало любви само по себѣ своею внутреннею силою безъ помощи грубыхъ матеріальныхъ средствъ можетъ приобрѣтать себѣ торжество въ родѣ челоувѣческомъ; употребленіе же насильственныхъ и грубыхъ дѣйствій въ этомъ случаѣ только вредитъ дѣлу, замедляетъ въ мірѣ развитіе любви, потому что даетъ, такъ сказать, временное господство противоположному началу—насилію. Извѣстно, что сказалъ Іисусъ Христосъ въ саду Геосиманскомъ при взя-

тія Его воинами ученику своему—Петру, желавшему силою оружія захищати любимаго Учителя: „возврати мечъ твой въ его мѣсто (внѣшняя грубая сила не должна быть употребляема на поддержку высшей духовной силы); ибо всѣ, взявшіе мечъ, мечемъ погибнуть (противящіеся силою распоряженіямъ законной власти естественно готовятъ себѣ гибель). Или думаешь, что Я не могу теперь умоли́ть Отца Моего, и Онъ представитъ Мнѣ болѣе нежели двѣнадцать легионовъ Ангеловъ? (духовная сила, если бы стала считаться съ враждебными ей началами, безъ сомнѣнія, могла бы выставити противъ нихъ и внѣшнюю силу самую могущественную). Какъ же сбудутся писанія, что такъ быть должно“? (міръ долженъ увидѣть, что духовная сила любви сама по себѣ безъ пособія внѣшней силы, и при самомъ крайнемъ видимомъ униженіи можетъ одержать побѣду надъ противными ей началами злобы и ненависти) (Мѡ. 26, 52—54. Ср. Іоан. 18, 11). И Христосъ непосредственно затѣмъ показавъ, что одно слово Его могло повергнуть на землю посланную противъ Него силу; и тѣмъ не менѣе безпрекословно отдалъ себя въ руки враговъ, и претерпѣлъ крестныя страданія и смерть. И послѣ того люди увидѣли, что безконечная любовь, пригвожденная ко кресту и вкушившая самую смерть, вновь воскресла къ божественной славѣ,—и враги остались посрамленными или сами склонились предъ Ея непобѣдимой силою.

Если любовь для своего распространенія между людьми не нуждается въ грубыхъ и насильственныхъ средствахъ, только мѣшающихъ развитію ея въ мірѣ, то, конечно, такія средства не могутъ быть употребляемы въ качествѣ мѣры противъ причиненаго насилія. Единственнымъ средствомъ противъ насилія, по смыслу христіанскаго ученія, является та же любовь. Только чувствомъ любви и кротости, которое на обиду отвѣчаетъ готовностію принять новую обиду, можно преодолѣть обнаруженную ненависть. „Кто ударитъ тебя въ

правую щеку твою, обрати къ нему и другую“ (Мф. 5, 39). „Если врагъ твой голоденъ, наставляетъ ап. Павелъ, покорми его; если жаждетъ, напои его: ибо, дѣлая сіе, ты соберешь ему на голову горящія уголья“ (Притч. 25, 21, 22). „Не будь побѣжденъ зломъ, но побѣждай зло добромъ“ (Рим. 12, 20, 21). Зло должно быть препобѣждаемо не путемъ строгаго возмездія или мести, а собственною внутреннею силою добра.

Есть социалисты, которые, какъ извѣстно, любятъ ссылаться на первыхъ христіанъ. Пусть же они поучатся у нихъ любви христіанской. Страдаетъ ли такъ въ настоящее время какой-либо пролетарій, какъ нѣкогда страдало все христіанское общество? Со стороны враждебнаго ему міра употребленны были всѣ средства для пораженія его. Однако-жь христіане первыхъ вѣковъ, вѣрные завѣту своего Учителя, ни разу не подумали о томъ, чтобы противопоставить силѣ силу, хотя они въ то время могли явиться уже грозною политическою силою для своихъ гонителей. По свидѣтельству Тертулліана (жившаго въ концѣ второго и началѣ третьяго вѣка), христіане его времени могли бы найти средства защитить себя отъ преслѣдованій и нанести страшный ударъ гнетущему ихъ міру, если бы захотѣли сдѣлать это, но они были совсѣмъ другого духа ¹⁾. Такимъ образомъ уже въ первые вѣка своего существованія христіанство вполне показало предъ лицомъ всего міра, что любовь есть самое лучшее и вѣрное средство противъ вражды и насилія. Изычество со всею своею грозною матеріальною силою не могло истребить христіанства, а само послѣ долгой и отчаянной борьбы должно было преклониться предъ нимъ и признать его непреодолимую духовную силу.

¹⁾ Прот. Н. Озоровъ. „О христіанской нравственности“. Кіевъ, 1879 г., стр. 49.

Итакъ, христіанство по самому существу своему не можетъ допустить насильственныхъ и грубыхъ мѣръ въ цѣляхъ достиженія идеальныхъ отношеній между людьми. Всякое возмущеніе противъ существующаго общественнаго строя, носящее характеръ революціоннаго движенія, оно осуждаетъ, какъ беззаконіе; но вовсе не осуждается имъ мирное стремленіе къ улучшенію общественныхъ порядковъ. Никогда не поставляя своею непосредственною задачею преобразованіе существующаго общественнаго устройства, христіанство, одна-кожъ, всегда двигало и движетъ человѣческія общества къ улучшенію ими самими своей жизни, только не какими-нибудь мѣрами насилія, а постепеннымъ распространеніемъ въ обществахъ евангельскихъ понятій, возвышеніемъ въ нихъ нравственнаго уровня. И своимъ нравственнымъ вліяніемъ на духъ человѣческихъ обществъ оно такъ много содѣйствовало улучшенію общественныхъ отношеній, что едва ли какая историческая сила можетъ сравниться съ нимъ въ данномъ случаѣ. Поистинѣ „слово сіе (ап. Павла) вѣрно и всякаго пріятія достойно: благочестіе на все полезно, имѣя обѣтованіе жизни“ не только „будущей“, но и „настоящей“ (1 Тим. 4, 8—9).

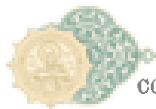
Нѣкоторые изъ соціалистовъ въ самомъ Евангеліи находятъ такія мѣста, изъ которыхъ будто бы можно видѣть, что христіанство само не отвергаетъ совершенно насилія для торжества добра и даетъ такимъ образомъ оправданіе революціоннымъ броженіямъ въ обществахъ человѣческихъ. Такой смыслъ соединяють они, напр., со словами Иисуса Христа къ своимъ ученикамъ: „Огонь пришелъ Я низвести на землю, и какъ желалъ бы, чтобы онъ уже возгорѣлся! Крещеніемъ долженъ Я креститься: и какъ Я томлюсь, пока сіе совершится! Думаете ли вы, что Я пришелъ дать миръ землѣ? Нѣтъ, говорю вамъ, но раздѣленіе. Ибо отнынѣ пятеро въ одномъ домѣ стануть раздѣляться, трое противъ двухъ, и двое противъ трехъ. Отецъ будетъ противъ сына, и сынъ

Труды Киевской дух. Акад. Т. II. 1905 г.

противъ отца; мать противъ дочери, и дочь противъ матери; свекровь противъ невістки своей, и невістка противъ свекрови своей“ (Лук. 12, 49—53. Ср. Мѡ. 10, 34—36; 21). Не похоже ли это на зажигательныя рѣчи революціонеровъ, вызывающихъ къ огню и мечу для пропаганды своихъ идей и къ внутреннимъ семейнымъ раздорамъ и несогласіямъ! Но едина-ли такой смыслъ можно находить въ приведенныхъ словахъ Спасителя. Огонь, о которомъ говоритъ Христосъ, есть то нравственное одушевленіе или возбужденіе, какое пришелъ Онъ произвестъ въ мірѣ. Божественный огонь любви горѣлъ въ Немъ, какъ своемъ источникѣ, и Онъ томился желаніемъ скорѣе креститься для людей крещеніемъ искупительныхъ за нихъ страданій и смерти (ср. Мѡ. 20, 22), чтобы возжечь въ ихъ сердцахъ тотъ же огонь любви, каковой пламенѣлъ въ Его собственной душѣ. Дѣйствіе этого огня будетъ такое, что предъ нимъ не устоитъ никакая земная привязанность, если послѣдняя станетъ препятствовать человѣку слѣдовать высшему призванію. Самыя крѣпкія и дорогія и священныя для человѣка связи кровнаго родства не удержатъ въ прежнемъ духовномъ оцѣпеніи того, кого коснется огонь любви Христовой ¹⁾). Все это въ точности исполнилось во времена гоненій на христіанъ, начавшихся еще при Апостолахъ, когда огонь, визведенный на землю Христомъ, такъ возгорѣлся въ сердцахъ вѣрующихъ, что ничто не могло „отлучить“ ихъ „отъ любви Божіей; ни скорбь, ни тѣснота, ни гоненіе, ни голодъ, ни нагота, ни опасность, ни мечъ“ (Рим. 8, 35). Исторія этихъ гоненій свидѣтельствуетъ, что раздѣленіе возникало между самыми близкими родными и доходило до враждебнаго столкновенія между ними (Мѡ. 10, 36. Ср. Мих. 7, 6); такъ что буквально родители возставали противъ дѣтей и дѣти противъ

¹⁾ Прот. Н. Озоровъ. „О христіанской нравственности“, стр. 37.

родителей—и все изъ-за того, что одни принимали новую вѣру, а другіе оставались въ язычествѣ и пытались лишить вѣрующихъ благодати Христовой. И послѣдующая исторія христіанства знаетъ немало такихъ примѣровъ, которые буквально оправдали указанные слова Іисуса Христа. Достаточно припомнить всѣмъ извѣстный примѣръ св. великомученицы Варвары, убитой рукою собственнаго отца, языческаго фалатика. Таковъ истинный смыслъ пророчесственныхъ словъ Спасителя. Онъ не хотѣлъ сказать этимъ, что раздѣленіе и брань между людьми есть цѣль Его пришествія на землю,—что Онъ пришелъ въ міръ, чтобы произвести революціонный переворотъ въ исторіи человѣчества, ибо Онъ есть „князь мира“ (Ис. 9, 6; 11, 6. Ср. Лук. 2, 14), и самъ есть „миръ нашъ“ (Ефес. 2, 14—16); но говорилъ только, что несогласіа, раздѣленія и брани суть необходимое слѣдствіе Его пришествія. Злоба людей, а не Онъ и Его Евангеліе—причина этого явленія¹⁾. Такова уже природа человѣческая, испорченная грѣхомъ, что пришествіе Искушителя должно было произвести на нее такое именно дѣйствіе.

Но всѣмъ своимъ революціоннымъ мѣрамъ насилія, принимаемымъ во имя высшей идеи, соціалисты даютъ временное значеніе. Это, говорятъ они, только мѣры временныя, вызываемыя неустройствами существующаго порядка вещей. Это необходимое расчищеніе сорной почвы для построенія новаго соціальнаго зданія. Когда по ниспроверженіи стараго общественнаго порядка нужно будетъ приступить къ созданію новаго, всякое недовольство и насиліе должны быть оставлены; на мѣсто ихъ должны явиться всеобщее довольство и любовь. Но какъ же это можетъ вдругъ выйти изъ общаго недовольства—довольство, изъ насилія—

¹⁾ Толковое Евангеліе Михаила, т. I, стр. 197.

любовь? Какимъ образомъ въ людяхъ, всегда и вездѣ старающихся вызывать раздраженіе, моментально пробудятся мирныя братскія чувства? И можно ли такимъ людямъ, привыкшимъ все ниспровергать и разрушать, повѣрить, что они могутъ быть устроителями всеобщаго счастья? Не оказывались ли эти непризванные рачители общаго благополучія жестокими тиранами и деспотами, когда имъ удавалось хоть на короткое время захватить власть въ свои руки? Чтобы не быть голословными, достаточно указать на революціонный терроръ во Франціи въ концѣ XVIII вѣка или на суровый образъ дѣйствій вождей парижской коммуны (1871 г.), желавшей установить социально-демократическій режимъ ¹⁾.

Допустимъ даже, что первые пропагандисты революціонныхъ идей могутъ еще поручиться за себя, что для нихъ мѣры насилія должны послужить только временными средствами для достиженія всеобщаго довольства. Но могутъ ли они ручаться въ томъ же и за всѣхъ своихъ послѣдователей? Не можетъ ли насиліе, которое на первыхъ порахъ допускалось въ социалистическомъ ученіи какъ временная мѣра, обратиться впослѣдствіи въ самую сущность этого ученія? Это мы и видимъ въ современномъ марксизмѣ, въ которомъ прежнее социалистическое ученіе, по крайней мѣрѣ прикрывавшееся высокою идеей общаго блага, перешло прямо въ ученіе о личномъ эгоизмѣ, какъ основномъ началѣ всѣхъ человѣческихъ дѣйствій, и о чисто звѣринномъ принципѣ „борьбы за существованіе“, только примѣненномъ къ человѣческой жизни.

По теоріи марксизма къ достиженію всеобщаго благополучія ведетъ борьба классовъ, точнѣе борьба между буржуазіей и пролетаріатомъ. Это — та же самая „борьба за

¹⁾ Прот. А. Иванцовъ-Платоновъ. „Христіанское ученіе о любви къ человечеству сравнительно съ крайностями ученій социалистическихъ“. „За двадцать лѣтъ священства“, стр. 248 и сл.

существованіе“, которая, по ученію Дарвина, господствуетъ вообще во всей природѣ, какъ основной законъ всякой жизни и развитія (*bellum omnium contra omnes*)¹⁾ и которую Ницше съ особою прямолинейностію приложилъ къ человѣческимъ отношеніямъ²⁾. Эта мысль о борьбѣ за существованіе, какъ всеобщемъ законѣ жизни, нашла себѣ примѣненіе въ тѣхъ многочисленныхъ произведеніяхъ нашей литературы, во главѣ которыхъ стоятъ сочиненія Максима Горькаго, извѣстнаго популяризатора марксистскихъ и ницшеанскихъ идей. Многія изъ этихъ произведеній представляютъ собою перелѣтъ извѣстной горьковской пѣсни о „буревѣстникѣ“, который радъ грозѣ, бурѣ, жаждетъ бури и борьбы, тогда какъ прочимъ морскимъ птицамъ—чайкамъ, гагарамъ и пингвинамъ „недоступно наслажденіе битвой жизни“. При посредствѣ этой борьбы, происходящей въ человѣческихъ обществахъ, постепенно совершается эволюція соціальныхъ формъ жизни, заключительнымъ звеномъ которой и явится будущая коммуна, столь напряженно желаемая и ожидаемая всѣми соціалистами, въ томъ числѣ особенно марксистами. Но эта благодѣтельная эволюція, очевидно, возникаетъ и развивается изъ эгоизма человѣческаго, какъ изъ своего корня; поэтому съ марксистской точки зрѣнія эгоизмъ есть самое священное чувство, имѣющее всѣ законныя права на существованіе. Только слѣдуя этому чувству, люди могутъ въ концѣ концовъ достигнуть соціальнаго идеала. Такъ называемыми альтруистическими чувствами, по увѣренію марксистовъ, руководятся лишь отдѣльныя лица; но цѣлыя общества и классы людей дѣйствуютъ исключительно подъ вліяніемъ эгоизма; альтруизмъ для нихъ не существуетъ, почему во взаимныхъ отношеніяхъ между собою они и находятся въ постоянной борьбѣ за свое благополучіе³⁾.

¹⁾ „Библиотека Самообразованія“, 1904 г., кн. 3, стр. 111 и др.

²⁾ Битнеръ. „Фр. Ницше и его произведенія“. Спб. 1904 г.

³⁾ І. Галаховъ. „Соціалистическія утопіи XIX вѣка и христіанскія начала человѣческой жизни“. „Вѣра и Разумъ“, 1902 г., № 1, стр. 41 и дал. Ср. Зомбартъ. „Соціализмъ и соціальныя движенія въ 19 вѣкѣ“, стр. 71 и дал.

Противорѣчіе христіанства съ этимъ ученіемъ марксизма очевидно. Не борьба съ ближними является основнымъ закономъ человѣческаго развитія, а, напротивъ, стремленіе къ взаимному согласію, взаимодействию, по которому одни „входятъ въ трудъ“ другихъ (Іоан. 4, 38), и такимъ образомъ человѣчество въ своемъ развитіи переходить отъ одной стадіи къ другой. Прекрасно высказалъ христіанскій взглядъ на это французскій поэтъ-философъ Гюйо въ одномъ изъ своихъ стихотвореній:

„Жизнь—сочетаніе, гармонія вещей,
„И лучшій мигъ—когда, сливаясь стройно съ вами,
„Родные отзвуки несутся къ вамъ, звуча,
„Когда вибрируешь съ другими существами
„Пылиной, атомомъ единого луча!
„Принадлежать себѣ—никто не въ состоянн;и;
„Онъ—безъ другихъ—ничто. Въ природѣ всѣ равны,
„Всѣ тайно связаны и въ цѣпь заключены;
„Мы всѣ—ея одной, всеильной, достоянне!
„Быть можетъ, въ мірѣ нѣтъ печали одинокой,
„Нѣтъ личной радости: все связано глубокой,
„Незримой общностью страданій и любви!
„Мое—не чуждо вамъ, все ваше—мнѣ родное,
„И чувства всѣхъ людей должны быть и мои!
„Мнѣ счастьемъ можетъ быть лишь счастье міровое!
„Пусть сердцу хрупкому разбиться суждено—
„Все человѣчество вмѣстить оно должно !)!

Итакъ, не правъ марксизмъ, проповѣдующій необходимость постоянной борьбы между людьми, въ которой нѣтъ никакой пощады слабому. Вся правда на сторонѣ христіанства, возвѣстившаго „на землѣ миръ, въ человѣкахъ благоволеніе“ (Лук. 2, 14), какъ единственный залогъ всякаго

!) Стихотворенія М. Гюйо. Пер. Тхоржевскаго, стр. 28.

истиннаго развитія, и потому внушающаго всѣмъ своимъ послѣдователямъ стремленіе къ солидарности. Да, только христіанство, призывающее всѣхъ насъ къ миру и единенію, взаимной уступчивости и состраданію, провозглашаетъ дѣйствительно основной законъ человѣческой жизни, подѣ охраной котораго только и возможна плодотворная дѣятельность на пути къ достиженію истиннаго блага человѣчества! Отсюда понятно, почему ап. Павелъ сравниваетъ церковь съ тѣломъ, всѣ члены котораго должны содѣйствовать благу цѣлаго и заботиться другъ о другѣ (1 Кор. 12, 12—26). Тотъ же Апостолъ, убѣждая „сносить немощи безсильныхъ“ (Рим. 15, 1), уступать ближнимъ даже и тогда, когда мы правы (1 Кор. 6, 7), выражаетъ этимъ заветныя мечты души человѣческой, „христіанки по природѣ“.

Но говоря о несогласіи въ рассматриваемомъ случаѣ христіанства съ теоріей марксизма, мы были бы не совсѣмъ справедливы, если бы не сдѣлали одной оговорки. Христіанство точно также проповѣдуетъ борьбу, но не ту, о которой говорятъ марксисты: враговъ человѣка оно видитъ не тамъ, гдѣ послѣдніе,—не внѣ человѣка, а внутри его—въ его злой волѣ и чувственной грѣховной похоти. Святые люди всегда боролись не за благосостояніе свое, не за самое существованіе, а за освобожденіе своей души отъ страстей, боролись, значить, не съ ближними, а съ собою¹⁾). По смыслу христіанскаго ученія выходитъ, что когда человѣкъ, при помощи благодати Божіей, одержитъ побѣду надъ своими внутренними врагами, тогда исчезнутъ всякія противорѣчія и въ его внѣшней общественной жизни. Это и подтверждается многочисленными опытами христіанскихъ подвижниковъ и великихъ угодниковъ Божіихъ. Самъ ап. Павелъ нашелъ себя вынужденнымъ объявить борьбу самому

¹⁾ Еп. Платонъ. „Христіанство и социализмъ“. „Труды Киев. дух. Акад.“ 1900 г., № 11, стр. 331.

себѣ, своей плоти, чтобы избѣжать жизненныхъ противорѣчій. „Усмирю и поработаю тѣло мое,—говорить онъ.— дабы, проповѣдуя другимъ, самому не остаться недостойнымъ“ (1 Кор. 9, 27). Итакъ, христіанинъ долженъ вести борьбу не съ ближними, какъ учить марксизмъ, а съ самимъ собою. Эта внутренняя борьба нравственно обновить человѣка, уничтожить въ немъ всѣ чувства, раздѣляющія людей между собою, и обогатить его избыткомъ чувствъ, совершенно противоположныхъ, направленныхъ къ благу общественному. Такая борьба перейдетъ потомъ и на внѣшнюю жизнь человѣка, на взаимныя отношенія людей. Она заставитъ смотрѣть на нашихъ ближнихъ не какъ на враговъ, съ которыми нужно вступить въ борьбу, а какъ на братьевъ, которымъ должно помогать. Она прекратитъ вражду, зависть, ненависть, словомъ—все, что носитъ слѣды пресловутой „борьбы за существованіе“.

Въ основѣ борьбы, проповѣдуемой марксистами, лежитъ человѣческій эгоизмъ, который, какъ извѣстно, признается ими за благо, по который, по ученію христіанскому, является самымъ сильнымъ внутреннимъ врагомъ человѣка. Всякій, кто способенъ вникать во внутреннюю связь нашихъ душевныхъ движеній, знаетъ, что всѣ виды грѣха суть не что иное, какъ проявленіе преобладающаго въ человѣкѣ эгоизма, который дѣлаетъ его и нечестивымъ и нечеловѣчнымъ, разобщая какъ съ Богомъ, такъ и съ людьми. Какъ нѣкогда наши прародители согрѣшили тѣмъ, что, подъ вліяніемъ обольстителя и грѣховнаго движенія своего сердца, сами пожелали быть „какъ боги“ (Быт. 3, 5), такъ, по свидѣтельству нашего сознанія, и теперь и всегда корнемъ всякаго порока является себялюбіе, соединенное съ грѣховнымъ желаніемъ поставить самого себя на мѣсто Бога и придать себѣ значеніе средоточія или центра въ мірѣ человѣческомъ. „Всѣ ищутъ своего (т. е. всѣ смотрятъ на себя, какъ на цѣль, какъ на существа, которымъ должны служить другіе),

а не того, что угодно Иисусу Христу“ (Филипп. 2, 21), говоритъ ап. Павелъ. Бороться съ этимъ опаснымъ внутреннимъ врагомъ необходимо всякому человѣку, если онъ хочетъ не личнаго только блага, а и общаго. Никакая чело-вѣческая дѣятельность, опредѣляемая исключительно эгоистическими побужденіями, не приведетъ къ общественному благополучію. Марксисты утверждаютъ, что когда будетъ представлено торжество принципу эгоистической классовой борьбы, само собою исчезнетъ и соціальное зло. Но опытъ показываетъ совершенно обратное. Если уже и теперь начало ничѣмъ не сдерживаемаго эгоизма ничего другого не даетъ, въ общественной жизни, кромѣ угнетенія пролетаріата и крайней ненависти его къ капиталистическому строю; то чего же ожидать отъ этого начала въ будущемъ, когда во имя его сойдутся лицомъ къ лицу пролетаріи и капиталисты? Кромѣ еще болѣе ужасной нищеты и рабства, съ одной стороны, сказочнаго богатства и дикаго произвола—съ другой, отъ такой эгоистической борьбы ничего другого ждать нельзя.

Только одно христіанство, проповѣдующее истинную братскую любовь, способно привести людей къ идеальному порядку жизни на землѣ, именуемому „царствомъ Божиимъ“, въ которомъ, безъ сомнѣнія, будетъ устранена возможность всякаго неустройства, въ томъ числѣ и соціальнаго. Словами молитвы Господней: „Да прійдетъ царствіе Твое“ (Мѡ. 6, 10) мы постоянно просимъ у Бога прежде всего наступленія идеальнаго благоустройства въ этой временной жизни. Если же марксисты возражаютъ, что христіанство въ теченіе девятнадцати вѣковъ не создало царства Божія на землѣ и лишь напрасно заставляетъ ждать наступленія этого царства¹⁾, то вмѣсто отвѣта на это возраженіе вспомнимъ то, что сказалъ Иисусъ Христосъ Апостоламъ предъ своимъ

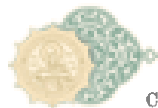
¹⁾ І. Галаховъ. Цитир. соч. „Вѣра и Разумъ“. 1902 г., № 3, стр. 165 и дал.

вознесениемъ. На вопросъ своихъ учениковъ: „не въ сіе ли время, Господи, возстановляеши Ты царство Израиле?“— Христосъ отвѣчалъ: „не ваше дѣло знать времена или сроки, которые Отецъ положилъ въ Своей власти“ (Дѣян. 1, 6—7). Сколько времени пройдетъ, пока распространится по всей землѣ царство Божіе, мы не знаемъ; но одно знаемъ несомнѣнно, что для нѣкоторыхъ это царство не пришло еще исполнѣ, а для другихъ и совсѣмъ не пришло, именно для тѣхъ, въ комъ „царствуетъ грѣхъ въ смертномъ ихъ тѣлѣ, чтобы имъ повиноваться ему въ похотяхъ его“ (Рим. 6, 12). Царство Божіе, состоящее въ „праведности, мирѣ и радости“ (Рим. 14, 17), берется силою, и только тѣ, кто употребляетъ усилія для своего духовнаго обновленія, дѣлаются участниками этого царства. Въ любви, заповѣдуемой христіанствомъ, заключается истинное нравственное преобразование или возрожденіе человѣка. Одушевляемый такимъ живымъ и святымъ чувствомъ, человѣкъ не можетъ не оказывать самага благотворнаго вліянія на идеальное устройство окружающей его жизни. И чѣмъ глубже это чувство проникаетъ въ человѣчество, чѣмъ сильнѣе заправляетъ его нравственною жизнію, тѣмъ больше содѣйствуетъ и внѣшнему его благоустройству, тѣмъ скорѣе можетъ привести его къ царству Божію на землѣ.

Марксизмъ любитъ указывать еще на то, что христіанство вообще имѣетъ вліяніе на отдѣльныя личности, а не на цѣлыя общества или классы людей¹⁾. Но кто хочетъ безпристрастно прослѣдить христіанскую исторію, тотъ, безъ сомнѣнія, найдетъ въ ней и такіе факты, которые ясно показываютъ, что христіанство имѣло вліяніе не на отдѣльныя только личности, а и на цѣлыя народы, не говоря уже объ отдѣльныхъ классахъ или группахъ людей. Но, если бы даже и не было такихъ фактовъ, то что-же изъ того? Всякое

¹⁾ І. Галаховъ, цитир. соч., стр. 166.

общество слагается изъ отдѣльныхъ членовъ, какъ и общество духовное, именуемое Церковію Христовою, составляется изъ отдѣльныхъ вѣрующихъ во Іисуса Христа. И когда Спаситель училъ: „кто хочетъ идти за Мною; отвергнись себя (Мрк. 8, 34); то, очевидно, не о всей совокупности своихъ послѣдователей говоритъ Онъ это, не все христіанское человѣчество разумѣлъ здѣсь, а отдѣльныхъ лицъ. Но эти единицы въ человѣческой массѣ, какъ свѣтъ во тьмѣ, свѣтятся сами, и другихъ просвѣщаютъ „свѣтомъ своимъ“ (Мѡ. 5, 16).

Въ видѣ заключенія ко всему сказанному въ обличеніе соціализма позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній объ отношеніи соціализма къ христіанству. Объ этомъ предметѣ существуетъ два совершенно противоположныхъ мнѣнія. По однимъ, соціализмъ есть достойное всякаго сочувствія развитіе христіанскаго начала любви къ ближнимъ. Другіе, напротивъ, смотрятъ на него, какъ на враждебное христіанству ученіе. Но чтобы надлежаще разобраться въ мнѣніяхъ, надобно отличать въ соціализмѣ то, что можетъ сближать его съ христіанствомъ, отъ того, что дѣйствительно въ немъ враждебно христіанству. Общая или основная идея соціализма—идея общественнаго блага—представляется вполне согласною съ христіанскимъ ученіемъ. Происхожденіе этой соціалистической идеи психологически вполне естественно. По словамъ Спенсера, общество, въ которомъ всѣ люди братья,—мечта настолько заманчивая, и существующій порядокъ, при которомъ царитъ борьба и конкуренція, порождаетъ столько бѣдствій, что попытки уйти отъ послѣдняго и перейти къ первому, совершенно естественны, даже неизбежны. Подстрекаемые зрѣлищемъ прискорбнаго неравенства положеній вокругъ, тѣ, кто страдаетъ и тѣ, кто сочувствуетъ ихъ

стиженія вѣчнаго счастья или вѣчной гибели. Не общество, но личность ожидаетъ будущей жизни, безсмертія за гробомъ“ ¹⁾). Разсуждая о значеніи человѣческой личности въ исторіи, проф. Карѣевъ говоритъ: „*нѣчто* есть человѣческая личность, ибо все въ исторіи существуетъ чрезъ нее, въ ней и для нея; всѣ виды соціальной жизни суть только разные системы отношеній между личностями; всѣ явленія жизни духовной суть только различныя состоянія личностей; какое бы учрежденіе мы ни взяли, оно въ концѣ концовъ создается, поддерживается, измѣняется совокупною дѣятельностію личностей; индивидуумъ — единственное реальное существо, съ какимъ имѣетъ дѣло наука исторіи“ ²⁾). И социализмъ, отрицая человѣческую индивидуальность, поступаетъ будто бы во имя любви къ сграждущему и ѡбдствующему человѣчеству! Но кто же можетъ назвать любовью это нравственное закланіе человѣческаго рода, это безпощадное, такъ сказать, нивелированіе человѣчества? Нѣтъ, истинная любовь не подавляетъ, а, наоборотъ, возвышаетъ человѣческую личность. Чтобы удостовѣриться въ этомъ, стоитъ только пристально всмотрѣться въ исторію христіанства, которое, полагая въ основу общественныхъ союзовъ евангельскую любовь, тѣмъ самымъ всегда давало необходимый просторъ человѣческой личности. А социализмъ хотѣлъ бы возвратитъ человѣчество къ тѣмъ темнымъ временамъ язычества, когда личность *человѣка поглощалась обществомъ или государствомъ* и утопала въ общей массѣ другихъ подавленныхъ личностей. По словамъ Спенсера, „личность въ социализмѣ не принадлежитъ болѣе себѣ и не имѣетъ права извлекать выгоду изъ своихъ способностей; она принадлежитъ государству; государство ее содержитъ, но за то и руководитъ ея трудомъ“ ³⁾).

¹⁾ См. Мартензевъ. „Христ. ученіе о нравственности“ т. I, стр. 218.

²⁾ Карѣевъ. „Основные вопросы философіи исторіи“, ч. 1. изд. 2. Спб. 1887 г., стр. 250.

³⁾ Спенсеръ. „Основанія соціологіи“, стр. 694.

Послѣ сказаннаго трудно признать сродство между *такъ называемымъ* соціализмомъ и христіанскою любовію къ близкимъ. Въ сущности, соціализмъ есть не что иное, какъ самый грубый эгоизмъ, едва возвышающійся надъ интересами брюшной полости. Что касается до того родства съ христіанскою любовію, на которое напрашивается соціализмъ, то, по нашему мнѣнію, это не болѣе, какъ пропагандическая хитрость. Многіе изъ соціалистовъ при этомъ стараются стать какъ бы подъ особое покровительство божественнаго авторитета вѣры Христовой, ссылаясь на тѣ или другія мѣста Свящ. Писанія, какъ на опору для своихъ мнѣній; но они дѣлаютъ это вовсе не потому, чтобы на самомъ дѣлѣ благоговѣли предъ христіанствомъ или сочувствовали ему, а потому, что подъ кровомъ христіанскаго ученія имъ удобнѣе привлекать къ себѣ простодушныхъ и неопытныхъ людей. Такъ всегда поступали разные лжеучители, старавшіеся распространять ложныя идеи подъ видомъ христіанскаго ученія.

Прот. Н. Стеллецкій.